

Матан и его семья

1. Шелковое платье мудреца

Город Нагардея, где встречаются нас события, стоит на берегу реки Евфрат, что в жаркой Вавилонии. Проживают тут почти одни только иудеи. Есть, конечно, и чиновники из персов, блюстители царских законов. Они присматривают за местным народом, дабы не сворачивал с пути лояльности властям. В обмен на благонадежность и исправную уплату налогов стражи монархии порой по несколько лет подряд не чинят иудеям слишком большого вреда.

В Нагардее все спокойно. Персидский монарх высоко, а римские легионы далеко. Тучная земля, вода и солнце в помощь издольщикам. Мастерские умелы, знают свое дело отменно. Торговцы оборотисты. Землевладельцы строги к работникам и выгоду свою, а через подати и государственную, неизменно соблюдают. Иными словами, каждый трудится по-своему, и все несут повинности казне, сообразно величине доходов.

Есть еще одна категория обитателей Нагардеи – законоучители и их питомцы. Правда, от этой странной породы людей нет никакой материальной пользы царю, однако книжники учат простых иудеев быть заодно с властями, блюсти государственные законы, работать не покладая рук и не бунтовать. Прав царь персидский: нельзя исходить лишь из выгоды, дабы не множить злобу.

Иудеи называют своих учителей мудрецами, почитают паче всех прочих соплеменников и ставят даже выше богачей. Последнее обстоятельство крайне важно, и оно еще проявит себя в нашей повести.

***

Купеческие караваны двигались из Китая на запад, и горбатые труженики-верблюды везли на своих спинах и боках тюки с шелком. Нагардейские торговцы и портные покупали у купцов красивейшие ткани и продавали их или шили на заказ нарядную одежду. Материя сия весьма дорогостоящая, и поэтому одеяния из шелка могли разрешить себе только обладатели тугих кошельков. Заниматься дорогим товаром штука выигрышная: всякий, кто ведет дела с богатыми – и сам бывает не беден.

Одним из нагардейских шелковых дел мастеров был Гедаля. Он отлично разбирался в тканях, закупал товар оптом, а затем продавал в розницу, получая немалый барыш. Он владел мастерской, где трудились умельцы – снимали мерку с заказчика, кроили ткань, шили платье. А еще у магната имелись сады и рисовые поля, и мельница своя и винодельня.

Успешный делец Гедаля умел угождать: им и казна царская довольна, и работникам платит, не скупясь, и свои семейные как сыр в масле катаются, и на нужды города он первым жертвует. Не лишним будет добавить, что Гедаля причислялся общественным мнением Нагардеи к лучшим

мужам города и входил в почетный совет семерых, всё решавший и всем управлявший. Даже в авторитарной общине, если разумна она, последнее слово – за общественным мнением.

Гедалья не чурался книги. Вечера буден и субботы напролет проводил он в доме учения, читал письма пророков, слушал проповеди мудрецов, любил обсуждать с ними сложные пассажи Святого Писания. Пусть стержнем жизни магната были занятия коммерцией, но в душе его прочно угнездилось хотение стать подлинным знатоком Божьего слова. Он непременно и сделался бы таковым, да мирская суета не пускала.

Семейную свою жизнь Гедалья считал не вполне удавшейся. Почему не вполне? Да потому, что жена рожала ему только девочек, а единственный мальчик умер в младенчестве. Что дочери – это хорошо, знают матери, а рвущиеся к успеху отцы ни в молодости, ни в зрелости не догадываются об очевидном. Правда, некоторые из тех, кому повезет дожить до старости, прозревают.

Гедалье нужен был сын, и такой, чтобы сызмальства решительно опережал умом сверстников, и вырос бы из него настоящий мудрец, знаток Святого Писания. Богатство дает прочность и любовь сограждан, впрочем, лицемерную. Но коли признает народ, что отпрыск Гедальи подлинно познал глубины Учения Господа, то род богача навсегда обретет возделенную славу и истинный почет.

***

Жил в Нагардее малоимущий, но всеми уважаемый законоучитель по имени Эвитар, воспитатель юношества и бескорыстный советчик зрелости. Он не пал до положения совершенного бедняка, ибо община не допустила бы до такого позора – мудрец и голодает – но и зажиточным его никак нельзя было назвать. Существовал, кое-как сводя концы с концами.

Сей мудрец полагал, что познания в Священном Писании не следует применять для наполнения собственной мощны. Однако не все законоучители держались такого мнения. Мимоходом заметим, что с течением столетий оппоненты Эвитара оказались в подавляющем большинстве. Сам же он первую половину дня трудился на огороде возле дома, выращивая овощи для пропитания, а после умеренной трапезы отправлялся к ученикам и книгам – исполнять главное свое предназначение.

Эвитара хорошо знали в городском совете семерых, ибо его частенько приглашали на заседания. Если предстояло принять решение практическое, но духовно значимое, то наставления просвещенного Эвитара приходились очень кстати. И это не удивительно: хотя семеро богачей были не достаточно сведущи в вопросах веры, но достаточно умны, чтобы сознавать свой изъян и не стыдиться занять ума.

У Гедальи сложились с Эвитаром отношения взаимно уважительные, отчасти даже напоминающие дружеские в минуты теплых бесед. В своем рвении проникнуть в подробности Священного Писания, шелкоторговец не упускал случая вступить в диалог с мудрецом, задать хитроумный вопрос Эвитару, который ценил и поощрял подобный интерес к тонкостям Учения.

Как-то раз Гедалья завлек к себе домой Эвитара, и тот охотно согласился поужинать вместе с хозяином. Невзначай Эвитар заметил, что скопил немного денег и хотел бы занять парадное одеяние для праздничных торжеств. Не взирая на слабые протесты гостя, Гедалья самолично снял с него мерку и заверил, мол, считанных дней хватит ему для исполнения заказа.

На третий день утром Гедалья явился к Эвитару. Тот в это время выпалывал сорную траву с грядок. Сияя, Гедалья обрадовал огородника, мол, заказ готов, и нужно пройти в дом, дабы

примерить обновку. Опасаясь, что скромных накоплений не хватит для оплаты дорогого шелкового платья, Эвитар заявил, дескать, договор-то состоялся только на словах, а на пергаменте не был записан, стало быть, никакого заказа он не делал.

Гедалья ничуть не огорчился подобным оборотом дела, словно именно такого ответа и ожидал. Он многозначительно заявил: “Слово истинного мудреца весит больше целой кипы исписанного пергамента. А кроме того, драгоценный Эвитар, это шелковое одеяние – мой подарок тебе, скорее примеряй платье!”

Возможность сохранить нетронутыми скромные сбережения, несомненно, хотя и умеренно, порадовала Эвитара. Однако лестное мнение Гедальи об исключительной значимости слов мудреца по-настоящему осчастливило законоучителя. Он был в высшей степени польщен. Мозолистыми, привычными к труду руками, он горячо пожал пухлую нежную кисть Гедальи.

Желая достойно отблагодарить щедрого богача, Эвитар воскликнул: “Твои мысли, Гедалья, о несравненной ценности речей из мудрых уст, воистину справедливы. Через девять месяцев тебе представится прекрасный случай убедиться в этом. А теперь слушай меня со вниманием. Я предрекаю, что родится у тебя сын, мальчик способностей выдающихся, и вырастет из него великий законоучитель, и прославит он твой род. Немедленно возвращайся домой к супруге своей. И прими мою благодарность за подарок!”

Взволнованный Гедалья поспешил в семейные хоромы. Говоря Эвитару о величии слов мудреца, он хотел всего лишь польстить тому, дабы размягчить и побудить не отказываться от дара. Однако Эвитар в своем предсказании коснулся самой грустнозвучной струны родительского сердца отца, слишком давно мечтающего о сыне. Гедалья принял пророчество всерьез. Не дожидаясь ночи, он вошел к жене, и в положенный срок сбылось доброе предвещание Эвитара.

2. От учителя наука

Деловитый и прагматичный Гедалья хоть и стремился окунуться в самую пучину Божественной науки, все же в глубине души скептически относился к разного рода предсказаниям и в историях о чудесах усматривал смысл скорее метафорический, нежели буквальный. То ли род занятий, то ли природная испорченность толкали его к пресному практицизму. Человеку трудно поверить тому, что находится за пределами его горизонта. Но когда слова мудреца Эвитара затронули самое сокровенное, Гедалья невольно раздвинул рамки своего ограниченного утилитарного кругозора.

Вскоре после памятного пророчества Эвитара, супруга Гедальи сообщила мужу о ниспосланной на нее Небесами очередной беременности. Жену торговца осмотрела известная в Нагардее повитуха, и она авторитетно заявила, что на сей раз родится мальчик. Гедалья уже ничему не удивлялся и, с полным доверием отнесся к словам знахарки.

Загодя принялся Гедалья готовиться к появлению наследника. По совету Эвитара, плоду, пока еще безмятежно пребывавшему в материнском чреве, было заготовлено имя Матан. Неприятных неожиданностей, слава Богу, не случилось. Упомянутая повитуха помогла роженице благополучно опростаться. Жаль, что малютка Матан не подозревал, сколь он желанен и какого радостного шуму он наделал своим пришествием на свет.

Перечень приглашенных к праздничному ужину, посвященному исполнению обета обрезания, Гедалья продумал заранее. Лучшие повара готовили угощение. Самое почетное место занимал отец младенца. Городской совет семерых присутствовал на торжестве в полном составе. Тут же

разместились местные мудрецы. Их выдающиеся ученики, молодежь, как правило, занимали периферийные места за столом. Не были обойдены вниманием и случившиеся этими днями в Нагардее значительные иностранные купцы. Разумеется, главным гостем торжества стал человек, осчастлививший хозяина дома верным пророчеством. Взаимно комплиментарные речи украшали тосты Гедальи и Эвитара.

***

Пока Матан был совсем крошкой, участие Гедальи в воспитании ограничивалось заботой о здоровье и надзором за полноценным питанием чада. Когда ребенок подрос, научился немного говорить и, по мнению родителя, стал способен к восприятию первых знаний о внешнем мире, отец принялся учить сына.

Говорят, не успеет дерево упасть, а уж дровосеки хватаются за топоры. Вот и Гедалье не терпелось увидеть сына в позиции превосходства не только над сверстниками, но и над более старшими детьми. В три года Матан выучил начала арифметики и уверенно решал несложные задачи, например, такого рода: допустим, за один тюк шелка купец просит с тебя один золотой, сколько же тебе придется заплатить алчному торговцу за четыре тюка? Ребенок давал правильный ответ – четыре золотых. Гедалья попытался пойти дальше и довести до сознания мальчика, что, если распродать в разницу тюк шелка стоимостью в один золотой, то вернешь добрых пять золотых. Однако сия простая для взрослого рассудка вещь не покорялась пока еще слабому детскому уму.

Только исполнилось Матану четыре года, как отец принялся обучать сына грамоте. Букварей в те давние времена еще не придумали, поэтому Гедалья показывал ребенку буквы на листах рукописных Святых книг. К радости родителя, малолетний питомец очень быстро освоил чтение и даже письмо. Не прошло и полгода, как Матан уже наловчился бегло складывать слова, а, главное, задавал отцу множество вопросов о прочитанном, что свидетельствовало в пользу пытливости детского ума и рано пробудившегося интереса к вероучению.

Жена Гедальи с досадой смотрела на педагогическое рвение мужа. Желая задеть самолюбие коммерсанта, он говорила, мол, ты, дорогой, забросил дела, доходы упали, так, глядишь, скоро семью по миру пустишь. Однако за женским неудовольствием крылась иная, отнюдь не корыстная причина. Обидно было матери, что всё свое внимание к потомству отец посвящает только сыну. А дочери чем хуже?

Ворчание супруги возымело действие. Гедалья нашел Матану наставника, на которого возложил труд обучения сына, а сам вернулся к занятиям коммерцией в полную силу, энергично наверстывая упущенное. Впрочем, он не спускал глаз с Матана. Наблюдал за быстрым прогрессом отрока в приобретении новых знаний, беседовал с ним, расспрашивал, разъяснял.

Матан обладал исключительной памятью и не по годам рано развившейся способностью логически мыслить. Мальчик сызмальства и всем своим юным сердцем принял идею незыблемости закона. Отец внушал сыну: “Каким бы странным не казался закон – он, прежде всего, должен быть соблюдаем, а уж потом можно рассуждать о его справедливости или целесообразности. Страсти человеческие – болезнь общества, дисциплина – лекарство от недуга”.

***

Велико было духовное влияние Гедальи на сына во всех моральных аспектах и, конечно, в части воспитания любви к закону. Возьмем примечательный случай из детства Матана – пример,

который приводят биографы будущего мудреца. Как известно, всякий иудей перед приемом пищи должен омыть руки. Порядок сей незыблем и обсуждению, казалось бы, не подлежит. Однако вот какой диалог состоялся между вернувшимся от учителя отроком и его отцом.

- Здравствуй, сын мой! – промолвил Гедалья, - проходи в дом, тебя ждет отменный ужин.

- Спешу за стол, отец, - ответил Матан, - я голоден, но прежде омою руки.

- Я полью тебе из кружки. Как прошел день учения?

- Да, как обычно, - ответил Матан, потупившись.

- Дружок, а ведь у тебя глаза-то красные! Уж не плакал ли ты? – спросил Гедалья с тревогой.

- Самую малость...

- Кто тебя обидел?

- Учитель побил меня...

- В чем ты провинился, дружище?

- Ах, пустяки...

- Нет, нет! Рассказывай по порядку!

- Хорошо, отец. Учитель велел мне покормить из ложки своего годовалого сыночка и ...

- Неужели ты отказался? Тогда прав твой наставник – непослушание наказуемо!

- Я покормил малыша, но был наказан за неомытые рук.

- Не понимаю! Сядь за ужин, ты исполнил заповедь и этим доказал верность ей!

- То-то и оно, отец, что закон предписывает омыwać руки перед собственной трапезой. Но ведь в доме учителя я не ел сам, а кормил его дитя. Почему же омыwać руки должен был я?

- Учитель напоминал тебе о заповеди?

- Напомнил и вышел из комнаты. Вернувшись, убедился, что я сделал по-своему.

- Ты был не прав, Матан. Следовало сначала поступить по закону, аж потом размышлять над ним. Да и приказа ты ослушался – тоже плохо. Однако хвалю тебя за вдумчивость. Интересный казус. В доме учения я обсужу его с мудрецами. Тебя же прошу не сердиться на учителя, ибо наставник всегда благонамерен. Мысль сию навек сбереги в сердце твоём.

Сын усвоил урок отца. Забегая вперед, заметим, что неколебимую приверженность дисциплине Матан пронес через всю свою карьеру вавилонского мудреца.

***

Гедалья вступился за учителя, преследуя цель педагогическую и, отчасти, под воздействием инстинкта солидарности. Тем не менее этот случай заставил отца думать, что умница Матан

сравнился знаниями со своим ментором, а то и превзошел его. Стало быть, дальнейший прогресс в обретении мудрости возможен только со сменой наставника.

Отец взял сына за руку, и оба отправились в дом учения к Эвитару. В этот час педагог проводил практические занятия с питомцами. Он выслушивал вопросы отроков, затруднявшихся в понимании сложнейших мест Святого Писания, и давал краткие, но ёмкие ответы. Школяры запоминали, кивали головами, восторженно переглядывались.

Войдя в открытую дверь и остановившись у порога, отец и сын прислушались к словам наставника юношества. Чувство глубокого почтения к мудрым речам Эвитара охватило душу Гедаля. Он взглянул на Матана – лицо последнего выражало восхищение. Не по чину робко уселся Гедаля на краешек скамьи в последнем ряду. Матан не посмел последовать примеру отца и остался стоять на ногах.

Эвитар заметил вошедших, дружелюбно кивнул. Закончив урок, он, приветливо улыбаясь, подошел к отцу с сыном, пожал руки обоим. Сохраняя достоинство и необидно соблюдая дистанцию, он осведомился о цели их визита, хотя, несомненно, намерения гостей были ему вполне ясны.

В лестных выражениях Гедаля заверил мудреца, что только у него Матан сможет получить подлинные знания. Польщенный Эвитар принялся расспрашивать юношу об изученных им предметах, одновременно экзаменуя его. Наставник остался в высшей степени доволен познаниями и умом молодого человека и немедленно принял решение взять его в ученики. Отец был счастлив и горд.

Следуя своим жизненным правилам, Эвитар отказался принять от отца Матана плату за обучение отпрыска. “У твоего сына, Гедаля, - сказал наставник, оставшись наедине с родителем, - светлая голова, и я уверен, что воспитаю глубокого знатока Писания. Придет время, и парень примет от меня духовное наследство. До конца сбудутся мои пророческие слова, и Матан станет великим законоучителем и прославит твой род!”

Надо ли говорить, с каким восторгом выслушал Гедаля сей восхитительный вердикт? Отцовская радость не помещалась в трепещущем сердце. Осчастливленный судьбою родитель горячо пожал руку Эвитару, затем бросился к Матану, ожидавшему в саду дома учения, и расцеловал отпрыска. Отец с сыном отправились домой, оживленно беседуя и строя смелые планы на будущее.

***

Годы учения у Эвитара стали самым светлым периодом жизни Матана. Ибо для юноши, щедро наделенного талантами, впитывать знания, обогащая ум, есть высшее наслаждение молодости.

По прошествии нескольких лет, убедившись в научной зрелости Матана, наставник отправил лучшего своего ученика в поездку по Эрец-Исраэль. Мечталось Эвитару: пусть бы лидеры духовной метрополии воочию узрели бы, что может Нагардея, да и вообще иудейство земли Вавилонской, рождать собственных быстрых разумом мудрецов.

3. В семье каша гуще

В те давние времена, о которых повествует наша история, у иудеев существовало два духовных центра – один в Вавилонии, а другой в Эрец-Исраэль. Если основательно мнение, что конкуренция благотворно сказывается на прогрессе любой области человеческой деятельности,

то, надо полагать, состязание меж вавилонскими и иерусалимскими законоучителями оказалось полезным всему народу.

В современных ученых кругах принято считать, будто бы с годами эпицентр талмудической мудрости медленно но верно перемещался из Эрец-Исраэль в Вавилонию. По всей вероятности у сторонников этого суждения имеются надежные критерии сравнения для подобного научного вывода.

Между Вавилонией и Эрец-Исраэль курсировали специально назначенные на то посланники. Через этих людей осуществлялся обмен идеями и важными интеллектуальными находками. Эвитар и Матан выслушивали посланников из Иерусалима, читали привозимые ими письмена-толкования, да и сами передавали западным коллегам плоды собственных холодных наблюдений ума и замет горячего сердца.

Не смотря на стабильное и десятилетиями оправдывающее себя статус-кво, Эвитаром владело чувство некой неудовлетворенности. И в самом деле, установившаяся традиция взаимного обогащения хоть и была полезна, но она не могла достаточно полно раскрыть перед иерусалимскими законоучителями завоевания вавилонских мудрецов. Поэтому Эвитар решил отправить Матана в Эрец-Исраэль с наставлением показать иерусалимцам всё то лучшее, чему он выучился в Нагардее, а, главное, продемонстрировать собственные незаурядные достижения толкователя Святых Книг.

В Эрец-Исраэль жил один совершенно незаурядный человек, коего народ горячо любил и ласково и просто называл “Раби”. До нас дошло немало сведений о Раби. Вот далеко не полный перечень их. Во-первых, он был правителем Иудеи, во-вторых, превосходил богатством всех жителей страны и, в-третьих, слыл самым большим мудрецом. Если найдутся скептики, которым покажется странным, а то и неправдоподобным, такое удивительное соединение в одном лице главнейших человеческих приоритетов – пусть относятся к сему явлению как к случайному стечению фактов.

По прибытии в Эрец-Исраэль молодой представитель Вавилонии явился в резиденцию правителя, то есть к Раби. Слуга доложил о прибывшем, и визитер был принят. Матан вручил хозяину дворца рекомендательное письмо от своего нагардейского учителя. Раби со вниманием и почтением прочел послание, отложил его в сторону и затеял с Матаном ознакомительную беседу.

Начавшись с вежливых обсуждений пустяков, разговор постепенно перешел в научное русло. Раби быстро убедился, сколь справедливы похвалы Эвитара его ученику. Изобилующая мыслями беседа затянулась. Слуга принес на подносе обед и кувшин с водой для омовения рук. После трапезы собеседники вышли в сад и продолжали дискутировать до захода солнца. С появлением звезд, Матан сотворил вечернюю молитву, по приглашению Раби присоединившись к нему и его приближенным.

Раби предложил Матану задержаться в Эрец-Исраэль и примкнуть к руководимой им ешиве в качестве его помощника, одновременно углубляя познания в науках. Молодой вавилонец с радостью принял лестное предложение. Он понимал, что ему есть еще чему поучиться, тем более, когда наставником будет сам Раби. Вместе с тем Матану хотелось пожить самостоятельно и отдохнуть от затянувшейся отцовской заботы, в последнее время выглядевшей несколько навязчивой.

***

Матан помогал Раби в обучении школяров и одновременно черпал новые знания из общения с учителем. Смело заглядывая в собственное будущее, Матан наматывал на ус уроки политического мастерства Раби, умевшего виртуозно лавировать между прихотями римских владык и чаяниями своих людей. Он восхищался искусством наставника не сердить первых и не обижать вторых. Приобретенный Матаном опыт пригодился ему впоследствии по возвращении в Нагардею.

Довольно скоро Матан пришел к заключению, возможно справедливому, что его познания в Священном Писании вполне сравнялись с научным багажом Раби. Однако посланец Нагардеи не спешил возвращаться в Вавилонию, ибо молодой пытливый ум устремился к новым горизонтам. Матан увлекся медициной и достиг в этой области впечатляющих успехов не только как теоретик, но и как практикующий лекарь.

Матан пристально изучал природу человеческого организма, привлекая существовавшие до него научные воззрения в области медицины. Он сделал вывод о том, что болезни проистекают вовсе не от дурного глаза, как склонны были думать в то время многие авторитеты. Подлинными причинами большинства недугов он назвал вредное воздействие дурного воздуха, а также перемены в расположении небесных тел. Что касается желудочно-кишечных заболеваний, то для избежания подобных неприятностей Матан советовал не нарушать привычные условия жизни и питания.

Увлечшись практическим врачеванием, Матан собственноручно составлял весьма действенные мази для излечения экземы. Как один из первопроходцев тропы медицинской профилактики, он рекомендовал в целях предупреждения всевозможных недугов по утрам промывать глаза холодной водой, а по вечерам делать горячие ванны для рук и ног.

Пожалуй, самым ярким достижением Матана в медицине стало изобретение особой глазной мази. Снадобье оказалось настолько эффективным при лечении глазных болезней, что мазь получила имя ее автора. На волне успеха Матан дерзнул утверждать, что он умеет исцелять почти все известные недуги.

Еще одной сферой приложения талантов Матана стала астрономия. По его собственному признанию, пути звезд на небе были знакомы ему как дороги его родного города Нагардеи. Он тщательно изучил движение луны и мог безошибочно определить начало месяца и даты первых дней праздников. Как в медицине, так и в астрономии, Матан стремился к практическому приложению теоретических знаний. Следуя этому стремлению, он составил календарь на шестьдесят лет вперед и отправил плод своего труда на родину в подарок Эвитару. Составляя календарь на будущее, астроном не думает, что оно скрыто от нас.

***

Раби весьма ценил научные достижения Матана. В особенности его подкупал демонстрируемый молодым ученым материалистический подход ко всякой проблеме. И это не удивительно, ибо сам Раби, глубоко верующий иудей, по природе своей был рационалистом. Вот только смущали учителя некоторые заявления питомца, выглядевшие, порой, хвастливыми. Именно по этой причине Раби, страдавший заболеванием глаз, не торопился применять мазь Матана, считая ее не достаточно апробированной.

То ли из любви к учителю, то ли из тщеславного желания доказать себе и миру силу выдающегося изобретения, то ли по обоим причинам вместе, но Матан пошел на обман, казавшийся ему вполне безобидным. Когда Раби уснул, лекарь тихо на цыпочках пробрался в спальню и осторожно просунул смазанную мазью тряпицу под подушку спящему. Утром, проснувшись, Раби с восторгом обнаружил, что глаза его совершенно здоровы. Матан

признался в обмане. Исцеленный шутя погрозил пальцем своему врачевателю и горячо обнял его.

Раби, преисполненный благодарности к Матану, решил во что бы то ни стало отплатить добром за добро. Он задумался: “Мой помощник показал себя блестящим знатоком Писания и зрелым законоучителем, хоть он и молод годами. Я хочу быть откровенным перед самим собой. Мне нечего больше дать Матану, ибо он впитал от меня всю мудрость. Как когда-то он стал равным моему вавилонскому товарищу Эвитару, так теперь он сравнялся со мною. Матану предстоит большое жизненное плавание. Чтобы ветер наполнил парус его корабля, я должен выправить ученику законный документ на право занять пост раввина – это мой долг!”

Надо заметить, что в те давние времена титул раввина можно было получить только в Эрец-Исраэль решением совета мудрецов. Действовал совет коллегиально и абсолютно демократично – голос равен голосу. Раби не сомневался, что его протееже непременно удостоится заслуженной чести. Каково же было разочарование Раби, когда в результате голосования выяснилось, что звание раввина Матану не присвоено!

Казалось, Раби горевал больше незадачливого претендента. “Я слишком полагался на здравый смысл людей, я должен был обсудить дело предварительно с каждым членом совета, убедить и повлиять!” Матан со своей стороны успокаивал наставника: “Дорогой учитель, если не смотря на то, что я исцелил тебя, ты тем не менее не сумел добиться для меня звания раввина, стало быть, есть на то хотение Небес. Значит, не о чем тужить, наоборот, мы должны с благодарностью принять волю Господа!”

В ученой среде принято считать, что подоплека отрицательного решения совета мудрецов не ясна ввиду того, что до нас не дошли соответствующие документальные источники. Поскольку всякая неизвестность подталкивает пытливые умы к отысканию причины, мы, не стесненные ограничениями на творческую фантазию, попытаемся прояснить дело.

Совет мудрецов – это собрание глубоко и широко образованных людей, не лишенных, однако, простых человеческих чувств. Раби слишком очевидно благоволил Матану и этим самым невольно унижал коллег. Испокон веку известно: самолюбие протиснется в любую брешь. Так стоит ли удивляться тому, что естественная в этой ситуации зависть повлияла на решение членов совета?

***

Матан великодушно успокаивал Раби, демонстрируя оптимизм и, якобы, не придавая значения отказу в получении свидетельства раввина. Однако в глубине души Матан был немало огорчен. Обида побудила его заинтересоваться вещами, стоящими в стороне от прямой дороги истинной веры.

Матан начал делать странные заявления, вызвавшие беспокойство Раби. Например, он стал уверять учителя, будто бы умеет устанавливать начало беременности с точностью до одного дня. Матан пошел дальше. Под большим секретом он сообщил Раби, что знает, как совершить половой акт с девственницей, не нарушая ее непорочности, и при этом девица забеременеет. Матан добавил, что этот секрет известен только ему, и он никому его не раскроет.

Раби невольно заподозрил признаки возможного нездоровья ученика. К тому же, рассуждения Матана о непорочном зачатии показались Раби опасными в свете набиравшего силу христианства с его удивительными мифами.

В этой ситуации Раби почел за благо написать откровенное письмо отцу Матана. Полученное из Эрец-Исраэль послание глубоко встревожило Гедалью. “Что означает этот странный интерес сына к теме деторождения? – спросил себя Гедалья и нашел единственно правильный ответ, – пора женить парня. Мудрость мудростью, а природа требует положенную ей дань!”

Гедалья написал наследнику, мол, довольно холостяковать, пора жениться, нашел тебе невесту по душе. Обращение к отпрыску Гедалья заключил словами: “Сын! Беспрекословно исполняй мою отцовскую волю – немедленно возвращайся в Нагардею и заводь семью. В семье каша гуще!”

4. Женитьба

Письмо отца произвело в душе Матана настоящую бурю. Гедалья потребовал от сына немедленно покинуть Эрец-Исраэль и вернуться домой в Нагардею. Категоричность родительского тона воспламенила сердце юноши решительным неприятием. В пылу протеста он приготовился к резкому ответу, мол, даже и не подумаю приезжать немедленно. “Ежели зычность зова не умерится, то я и вовсе не вернусь под родительский кров!” – возмущенно говорил себе Матан.

Противовесом гневу стал заимствованный у Раби опыт из другой сферы: непротивление указам римских повелителей, но неторопливое и неполное исполнение оных. “Надо ли горячиться? – задавался вопросом Матан, – не найдется ли компромисс? Говорят, упорная горячность граничит с глупостью. Может, промедление пойдет мне на пользу? Что, если изобрести разумные доводы? А разве требование родителя так уж плохо по сути своей?”

Последний вопрос заставил Матана сперва всерьез задуматься, а потом и загрустить. До сих пор он не женат. Не ведает женской ласки. Угла своего не имеет. И это еще не всё. Ему, как известно, предназначено Небесами стать большим законоучителем. Однако незаурядная личность не имеет права не думать о будущем и эгоистически предпочитать холостяцкую жизнь семейной, наслаждаясь лишь причитающимся почетом. Человек выдающегося ума обязан привести в мир потомков, кои унаследуют мудрость родителя, продолжают и умножат ее. Выходит, своевременно и резонно намерение Гедальи женить Матана!

Раздираемый сомнениями, Матан обратился за советом к Раби и доверительно показал ему послание из Нагардеи. Прочитав письмо Гедальи и не подав виду, что это он заварил кашу, Раби сказал: “Твой отец прав, и не только потому, что он отец. Я загодя благословляю тебя и твою невесту, которую родитель нашел тебе по душе. Я сожалею о некоторых твоих речах. Мне кажется, недостойн молодого законоучителя интерес к таким низменным предметам как беременность, зачатие, девственность. Голова должна быть занята Святыми Книгами. Боюсь, сублимация правит сердцем твоим. Посему мой совет тебе: женись, Матан!”

В этом пункте зоркий читатель справедливо запротестует – мол, во времена Раби никакого понятия о сублимации не было, да и слова-то такого не существовало. Поблагодарим оппонента за бдительность и отметим в его пользу, что правота всегда на стороне точности и педантизма. Однако, принимая во внимание свободу, которую предоставляет нам жанр фикшна, оставим речь Раби без изменения.

Как и следовало ожидать, позиция радикального протеста, первоначально занятая Матаном, постепенно претерпела изменение в сторону умеренности, а затем и вовсе сменилась на благосклонную. Заметную конструктивную роль сыграл совет Раби. И вот уже Матан возвращается в Нагардею. Он с нетерпением ожидает первого свидания с незнакомкой и, конечно, вспоминает, что соскучился по своим семейным.

***

Эфрат – так звали невесту Матана, которую Гедалья избрал сыну по душе. Девушка происходила из купеческой семьи, проживавшей в Нагардее. Отец ее был достаточно богат, хотя и не настолько, как сам Гедалья. Для последнего сие обстоятельство имело значение положительное, ибо имущественное превосходство давало моральный перевес в будущем объединенном семейном совете.

Хотя по дошедшим до нас сведениям иудейство Вавилонии процветало, тем не менее страшно узок был круг высших слоев нагардейского среднего класса, к которому принадлежали семьи жениха и невесты. Поэтому Гедалья, а равно и отец Эфрат, не располагали слишком большим количеством опций для сватовства. Не смотря на ограниченный выбор, Гедалья сумел отыскать для сына достаточно красивую видом девушку, предложив ее родителю молодого и в будущем богатого знатока Писания.

Подъезжая к родному крову, Матан испытывал волнение, торжество, ликование. “Скоро ли? Скоро ли? – лихорадочно думал он, - о, эти несносные улицы, лавки, фонари...” Вот он и дома. Объятия, поцелуи, крики, слезы радости. Отец, мать, сестры, зятя. Матан был счастлив любовью, которую ему выказывали. Как блаженна минута встречи!

На следующий день состоялось знакомство жениха и невесты. Только в минуты свидания люди начинают понимать, сколь много любви таили их сердца. Матан и Эфрат понравились друг другу. Обоих пленяла мысль о скором свершении романтических мечтаний. Один думал об этом с нетерпением, другая – с трепетом. Купленный отцами вкладчину новый дом ожидал молодых. Будущие молодожены хотели жить самосильно, а родительское попечение вспоминать с благодарностью как счастливое прошлое.

Свадьба удалась на славу. Среди гостей были и такие, которые когда-то давно сидели, как и сейчас сидят, за уставленным кушаньями столом, поздравляли счастливого Гедалью с рождением сына и исполнением Божьего завета обрезания. Этим людям посчастливилось дожить до женитьбы героя прошлого праздника. Ветераны застолий похваливали угощения, весьма похожие на яства былого торжества и, узнавая отменный вкус, шутили, впрочем, без обидной задней мысли, мол, на брачный стол пошел пирог завета.

За одной половиной стола располагались гости со стороны жениха, за другой – со стороны невесты. Скажем пару слов о некоторых представителях лагеря Гедальи. Сам он постарел. Голова стала белою – ну, что с этим поделаешь? Борода поредела, появилась дрожь в руках, глазами ослаб. Приходит старость – приходит и слабость. Матан вручил отцу склянку со своей знаменитой глазной мазью, заявил уверенно: “Чудодейственное средство. Спасло Раби, и тебя исцелит!” Гедалья улыбнулся, дал оптимистический ответ со скептическим подтекстом: “Спасибо, сынок. Божьей волею поможет твоя мазь...”

Годы безжалостны к людям суетных мирских занятий, но щадят тружеников духа. Посему Эвитар сохранил ясность ума и изо всех своих немолодых сил старался не поддаваться разрушительному действию лет. Он произнес красивейший тост в честь новобрачных, предсказал Матану славную будущность мудреца и просил его посвятить молодость – лучшую пору жизни – познанию путей Господа. “Запомни, - закончил речь Эвитар, - стар будешь, а молод – никогда!”

Зятя Гедальи, мужчины в расцвете сил, сидели рядком, раз за разом наполняли друг другу тарелки яствами и, кажется, намеревались испробовать все без исключения дары щедрости тестя. Они с признательностью поглядывали на шурина, благодаря которому им выпало так

обильно и вкусно поесть. Все они принадлежали к торговой братии, были людьми абсолютно практическими и потому в высшей степени почтительно и с гордостью думали о книжнике Матане.

Для женщин накрыли отдельный стол. Поскольку они сидели в соседней комнате, и прекрасное их собрание было недоступно взору мужчин, то и мы, то есть читатели, отдадим положенную дань скромности и не станем заглядывать на запретную территорию.

***

Матан и Эфрат поселились в купленном для них доме. Минула неделя, и в обитель любви, где молодожены вкушали ранние супружеские восторги, явились отцы новобрачных и сообщили, что надумали сделать им еще один подарок – солидную сумму денег, требуемую для путешествия в Рим и для безбедного пребывания в чудо-городе целый месяц. У отца Эфрат живет брат в столице мира. Он охотно возьмет племянницу и ее мужа под свой кров.

Раз в жизни выпадает такая удача. С великой радостью был принят родительский дар. Часть пути молодые проделали по суше, потом плыли морем, потом снова двигались сухопутным путем. Широко образованный Матан недурно знал книжный латинский язык, теперь же ему представился случай попрактиковаться в живой речи. Эфрат еще в пути начала перенимать у мужа иностранные слова и к концу пилигримства сносно говорила на латыни. Путешествие – лучшее средство самообразования. Но если дорога не меняет человека – это плохое путешествие.

Родственник Эфрат проживал в иудейском квартале Рима. Человек небедный, он радушно встретил гостей и содержал их на свой счет, категорически отказавшись принимать плату за постой. Поэтому у Матана и Эфрат высвободилась изрядная сумма денег, которую они употребили на всевозможные удовольствия.

Богатый и шумный Рим – это не провинциальная Нагардея. Каких только зрелищ там нет! Битвы диких зверей на арене. Увлечательные театральные представления, хотя и не всегда пристойные. Лошадиные бега. Однажды, увлекшись, Эфрат проиграла пять серебряных динариев – не на ту лошадь поставила. Матан сознавал несправедность своего и жены поведения, однако утешал себя, мол, всего один месяц, да и никто в Нагардее не узнает. “Вернемся домой и замолим сии малые грехи!” – поддакивала мужу Эфрат.

Пребывание молодоженов в Риме пришлось на месяца аюль-тишрей, или, как говорили тамошние язычники, на сентябрь. Прекрасное время! Плоды поспели, молодое вино созрело, тепло и не жарко – благодать. Но пора возвращаться домой.

Матан и Эфрат отправились назад в Нагардею. Весь обратный путь с восторгом вспоминали они великий и несравненный Рим. Нечестивая мысль вертелась в голове у Матана: “Римляне вовсе не завоевывали мир, они только овладели тем, что могло бы стать добычей всякого!”

Молодые воротились без гроша в кармане. Кошелек пуст, зато чрево жены не пусто.

К несчастью, печальные новости ожидали вернувшихся домой путешественников.

5. Первенец

Меж светочей разума издревле встречались певцы счастливой старости. Дескать, вечер жизни приносит с собой свою лампу, и есть на свете старики, владеющие искусством быть стариками.

Не станем называть имена былых и нынешних сочинителей, сделавших заметки на этот счет, но просвещенный читатель непременно вспомнит некоторых из них.

Какие причины подвигали мыслителей радоваться последнему листопаду? Сие не выяснено пока определенно, должно быть, всяк по-разному. Претенциозная наука еще не докопалась до глубин души, да и сам человек не ведает и не назовет с уверенностью правящие силы в сердце своем. Однако бойкие умы с легкостью выдвигают всевозможные логичные гипотезы о внутренних побуждениях чужих сердец. К сожалению, логичность не означает правильности. И всё же сквозь туман догадок пробивается луч достоверности – в похвалах преклонным годам неизменно присутствует всепобедное лицемерие.

У молодого индивида мало позади и много впереди. У старика – ровно наоборот. Посему свет оптимизма есть свойство молодости, а на долю старости естественным образом остается мрак пессимизма. Беда старика не в том, что стар, а в том, что не молод. Эту черную тучу некоторые жизнелюбы мнимо рассеивают сладкими грезами.

***

Рациональный Гедаля всю свою неромантическую жизнь опирался на реальность, не тешась эфемерными надеждами. Он знал о сидящем в нем недуге, но никому не открывал тайну. Возможно, именно поэтому, в предчувствии скорого и неизбежного, он срочно вытребовал Матана из Эрец-Исраэль обратно в Нагардею.

Родитель ухватил за хвост птицу счастья, ибо сын оправдал ожидания и готовился стать большим законоучителем. Однако такое будущее может ожидать лишь человека семейного. Поэтому, покуда Матан оставался холостым, довольство отца было половинным. Женивши сына, Гедаля разбавлял горечь приближения конца сладким настоем свершения жизненной мечты.

Другое дело – Эвитар. Он неустанно и жадно пил из бездонного колодца Святых Книг восхитительный напиток знания. Бесконечно обогащая память, он делился находками с учениками. Он не был обеспокоен скромностью своего достатка, ибо духовность заменяла ему материальное преуспеяние.

Физическая слабость не обошла Эвитара своим предательским вниманием. Но он умел отрешаться от суетного. Глава ешивы был уверен, что постоянное и многолетнее разрешение труднейших загадок Писания не только спасает ум от одряхления, но с каждым годом делает его все более изошренным. Возможно, он был прав. Что ни говори, а идея Эвитара выглядит очень современно.

Но вот пришла в Нагардею беда. Эвитара постигла участь всех смертных. Хоронили любимого учителя сотни скорбящих учеников. Да что там ученики – весь город горевал! В течение короткого времени община лишилась двух лучших своих земляков. Сперва ушел богатый и щедрый филантроп Гедаля, а вскоре за ним последовал Эвитар, властитель дум, любимец и гордость простого народа, один из духовных предводителей вавилонского иудейства.

***

Такие печальные новости ожидали Матана и Эфрат, воротившихся из путешествия в Рим. К их возвращению остались позади и семь, и тридцать дней траура по усопшим. Всё, что мог сделать Матан – это усердно молиться, и он рьяно исполнял долг сына и ученика.

Знавший о своем недуге, Гедалья заблаговременно составил и заверил завещание. В молодости хотелось хорошо жить, в старости – хорошо умереть. Со свойственной ему тщательностью он перечислил свои немалые богатства, предназначая их кому-либо из членов семьи. Не забыл ешиву и синагогу. Самая большая доля перешла к сыну. Так Гедалья посмертно способствовал воплощению жизненной мечты о потомке-мудреце, который прославит род его. Богатый Матан не должен будет, как бедный Эвитар, печься о пропитании, и все силы свои он сможет посвятить высоким целям – учиться самому и просвещать других.

Сестры Матана и мужья их получили причитающееся им по завещанию и были вполне довольны. Однако вдова Гедальи, не смотря на то, что удостоилась весьма неплохой доли, затаила в душе особое мнение, дескать, не следовало мужу делить имущество меж детьми не поровну. “Разве дочери менее важны, чем сын?” - думала она. Впрочем, такие мысли ей и раньше приходили в голову.

Эвитар хоть и добывал хлеб насущный своими руками, но делал это без души, по необходимости. Сердце его принадлежало миру чистого духа. Мысли личностей такого склада возвышенны и далеки от понимания будничных интересов людей попроче. Не удивительно, что Эвитар не позаботился о составлении завещания. С другой стороны, ему и делить-то было нечего.

Еще до возвращения Матана из Рима, по прошествии семи дней траура после смерти Эвитара, совет мудрецов Нагардеи направил посланника в Эрец-Исараэль с печальным известием. В письме к Раби законоучителя Нагардеи спрашивали совета – кому, по его мнению, следует поручить возглавлять ешиву?

Будучи сам в весьма преклонном возрасте, Раби тяжело воспринял весть об уходе Эвитара. Тем не менее он нашел в себе силы немедленно сочинить ответное послание. Раби решительно утверждал, что на роль главы ешивы лучшей кандидатуры, чем Матан, в Нагардее не найти. Более того, Раби заверял совет мудрецов в глубочайшем знании законов его бывшим подопечным, и поэтому прочил тому должность верховного иудейского судьи города. Рекомендация как красота – завоевывает сердца.

Матан охотно взял на себя сладкое бремя воспитания юношества, сменив своего бывшего наставника Эвитара. Ученики ешивы приняли нового главу, не испытывая внутреннего душевного сопротивления, встречающегося в подобных ситуациях, ибо Матан был молод и потому близок им по духу.

Должность главного городского судьи в то время занимал престарелый, но всеми уважаемый законоучитель. Матану предстояло несколько лет ожидания до претворения в жизнь второй рекомендации Раби.

***

Новый глава ешивы с головой погрузился в бурное море неиспытанных прежде ощущений. Он сделал для себя важное открытие – учить других так же не просто, как учиться самому. Требуется особое мастерство, чтобы успешно передавать знания. Ведь очевидное для самого себя вовсе не кажется таковым для людей менее просвещенных. Матан увлеченно осваивал приемы преподавания.

Тем временем мысли Эфрат были заняты приближением важнейшего в жизни каждой женщины события – первое разрешение от бремени. Свекровь хотела было подослать к снохе умелую повитуху, которая когда-то принимала роды Матана, да оказалось, что той уж нет в живых. К

счастью, дочь умелицы переняла у матери акушерское искусство и, когда подошел решительный час, справилась со своей ролью превосходно.

Дабы утвердить во мнении общины и в собственных глазах почтение к почившему родителю, Матан вознамерился присвоить новорожденному имя Гедалья. Однако новоиспеченный отец столкнулся с оппозицией. Одна из сестер Матана за неделю до знаменательного события тоже родила мальчика и успела раньше брата уважить память покойного. Вдова Гедальи не хотела, чтобы два ее внука звались одинаково. Эфрат, обязанная во всем поддерживать супруга, возражала свекрови, но не энергично. Мудрый Матан не стал вмешиваться в дело, за которое взялись женщины. В результате нелегких компромиссов, его первенец получил принятое всеми сторонами имя Шуваль.

Мальчик часто болел, причиняя тревогу отцу с матерью. То простуда, то расстройство желудка, то золотуха. Матан, знавший толк во врачевании и бойко целивший чужих ему людей, собственного сына лечить не осмеливался. Он приглашал к драгоценному чаду знаменитых докторов. Эфрат слушалась указаний многоопытных практиков и ретиво выполняла их назначения. Факт самоустранения Матан не афишировал, опасаясь, как бы в ученой среде не сочли, что он сомневается в собственном лекарском мастерстве, вдохновленном откровениями Святых Книг, то есть, в конечном счете, он, Боже сохрани, не доверяет Писанию.

Покуда младенцы пребывают в колыбели, они естественным образом являются объектами внимания и забот матерей. Отцы ждут своего часа. Матан денно и ночью пропадал в ешиве или в доме учения. Школяры довольно скоро забыли прежнего своего наставника Эвитара и со свежим энтузиазмом внимали новому учителю. Идеи молодого Матана были ближе и понятнее.

Зачастую до поздней ночи Матан обсуждал с воспитанниками трудные места Писания. Вместе рассеивали туман лаконичности, вместе выковывали недостающие звенья железных логических цепей. Матан применял заимствованный у Раби опыт поощрения школяров. Глава ешивы поворачивал обсуждение таким образом, что у питомцев складывалось впечатление, будто они сами предлагали разгадку. Сей педагогический прием работал на общую пользу.

Матан решил использовать тот факт, что осенью и весной наступает кратковременный перерыв в крестьянском труде. В дни сельскохозяйственных пауз он стал собирать в ешиве тружеников полей и разъяснять им основы Писания. Такая практика укрепляла простых иудеев в вере и, одновременно, способствовала популярности Матана в народе. Впоследствии эту идею заимствовали у Нагардеи и другие города Вавилонии. Ученики ешивы охотно помогали своему наставнику, извлекая пользу и для самих себя: осваивали начала педагогического мастерства.

6. Второй сын

Начнем главу с одного банального утверждения: если соединились браком мужчина и женщина, то, скорее всего, потомства им не миновать. Чем дети полнят сердца отца с матерью? Известно, чем – бедами и радостями, не скупясь ни на то, ни на другое. О бедах сказано: “Малые детки – малые бедки, а большие детки – большие бедки”. Другая народная мудрость касается родительских радостей, столь очевидно зависящих от возраста чад: “Мал золотник – да дорог, а велик пень – да дупляст”.

У Матана и Эфрат народятся сыновья и дочери. Далее мы проследим, как работают обе поговорки. Пока отметим, что примерно через год после появления на свет первенца (напомним, Шуваль его имя) жена вновь порадовала мужа значительной новостью. Отец хотел второго сына, о чем заявил недвусмысленно. Мать, выражаясь ученым сленгом сегодняшнего дня, не

имела гендерных предпочтений и сказала, что порадуется любому созданию, лишь бы второе дитя было здоровее первого.

На радость отца появился на свет мальчик. А на радость матери младенец оказался крупным, крепким, с хорошим аппетитом и здоровеньким, не сглазить бы. Внутрисемейных дискуссий по поводу имени новорожденного на сей раз удалось избежать. Карми – так назвали младшего брата.

Как известно, отцы не торопятся жаловать вниманием младенцев, дожидаясь достижения оными возраста разумения. Сопричастие Матана к сыновьям в целом не являло собою исключения, хотя, по непонятной причине, (да разве для чувств нужна причина?) он питал слабость к маленькому Карми, рискуя вызвать ревность Шувая. Через много лет, когда в семью пришло непоправимое горе, Эфрат сказала беспамятному Матану: “Ты не просто любил, ты обожал Карми”.

***

Расчет покойного Гедаљи был точен: унаследованное Матаном богатство совершенно освободило его от забот о содержании семейства, и посему он с самого начала карьеры целиком посвятил себя главному делу жизни. Матан назначил толкового управляющего над наследными земельными угодьями.

Раз в неделю Матан выслушивал отчет о работах, вникал в дела и даже брал на себя смелость давать указания, хотя область его интересов лежала далеко от управления хозяйством. Исполнение своих распоряжений он дипломатично не проверял. Во-первых, не был уверен в их разумности, во-вторых, остерегался выказывать недоверие управляющему, и, в-третьих, не хотел стеснять его инициативу. К закабаленным в рабство должникам Матан относился снисходительно и освобождал их раньше срока.

Важная черта характера Матана – скромность. Круг его добрых друзей, близких врагов, учеников и просто знакомых рос с каждым месяцем. Далеко не все из них имели наделы земли, большой дом, наемных работников или рабов. Никогда Матан не поддавался соблазну тщеславия и не упоминал о своем достатке. За это его уважали, меньше завидовали, больше любили.

***

Счастливо одаренный провидческим талантом, Матан с первых лет своей карьеры наперед знал, что предстоит ему слава в веках не только как знатока Писания, но и как мудрого лидера иудейской общины. Поэтому не случайно он загорелся желанием выразить словесно и письменно правила поведения народа, живущего в чужой и, зачастую, враждебной среде.

Матан отлично помнил, что Раби рекомендовал назначить его верховным судьей Нагардеи. Полагая мнение бывшего учителя абсолютно обоснованным, Матан систематически готовил себя к этой роли. Он справедливо умозаключил, мол, для яркого вступления в должность следует иметь багаж новых идей в сфере законов и суда.

Как иудею ужиться и уберечься в чужой стране, не растворяясь при этом в море большинства? Казалось бы, ответ очевиден: принимай власть местного повелителя и не бунтуй. А как сохранить лица необщее выражение? Ведь сие для избранника Господа критически важно! И на это есть немудреный ответ: молись своему Богу и, не будь рядом помянуто, держи фигу в кармане.

Идею, которую просто понять умом, не всегда легко принять сердцем и тем более воплотить в жизнь. Требуется твердое и авторитетное повеление. Не уповая на внешнюю доступность осознания проблемы, Матан подошел к делу основательно, и ему удалось сформулировать правило лаконичное, но исчерпывающее: “Закон государства – закон”. Дополнительный вес постановлению придало его торжественное звучание на арамейском языке. Прогрессу идей нужны хорошие формулировки.

Вот, говорят, сытый голодного не понимает. Верно, конечно, но Матан – исключение. Он не оставался глух к человеческому горю, к чужой нищете бывал участлив. Поскольку престиж его в городе стоял высоко, то он весьма результативно использовал свое влияние на власть имущих и стремился законодательным образом облегчить участь слабых мира сего.

Подтвердим примерами заслуги Матана. Он разрешил отдавать в рост деньги, принадлежавшие сиротам, если было у тех хоть сколько-нибудь за душой. Пусть небольшая, а прибавка. Он решительно укоротил аппетиты алчных до наживы торговцев, готовых разорять обездоленных соплеменников непомерными ценами на самые насущные товары. Так постановил Матан: прибыль продающего беднякам в розницу не превысит одной шестой цены, которую тот уплатил оптовику.

Теперь кинем взор на плоды законотворческой деятельности нашего героя. Матан потребовал установить в иудейском судопроизводстве принцип, согласно которому подозреваемый в преступлении считается безгрешным, пока не будет доказана его вина, причем бремя доказательства лежит на истце. Более того, если доводы обвинения не выглядят достаточно убедительно, то, ввиду сомнения, обвинительный приговор не выносится. Матан утверждал, что оставить без последствий преступление, когда в уликах нет уверенности, есть меньшее зло, нежели наказать безвинного. Иными словами, большой риск малого греха предпочтительнее малого риска большого греха. А разумный риск есть похвальная сторона благоразумия.

Заметим, что подобные идеи высказывались словесно, вписывались в кодексы законов и применялись на практике не только иудеями, но и другими народами тоже. Естественно, может возникнуть докучливый вопрос о приоритете. Но стоит ли решать проблему пионерства, если предположить, что именитые и безымянные авторы руководствовались исключительно благими намерениями – справедливостью и здравым смыслом?

Свободный от соблазнов прекраснодушия, в высшей степени милосердный и человечный Матан никогда не упускал из виду возможности клеветы на доброту. Посему держался он непреклонного мнения: чем выше человек стоит в общественной иерархии, тем безупречнее должно быть его поведение. Применительно к себе он говорил: “Иудейский судья – вне подозрений”. Современники рассказывали, как однажды Матан не согласился рассматривать некое судебное дело, ибо имелись свидетели давнего рукопожатия между ним и подозреваемым – мало ли что люди могут подумать и сказать?

***

Основная цель нашего рассказа – представить события семейной жизни Матана. Тем не менее, для полноты образа и ради соблюдения хронологии, мы кратко показали его общественные деяния, пришедшиеся на то время, когда дети были малы, и отец мог не отвлекаться на домашнюю педагогику. Разумеется, дипломатические и государственные начинания Матана важны сами по себе и заслуживают внимания читателя.

Сыновья Матана немного подросли, и у него появился воспитательный интерес под управлением долга и любви. Воспоминания юных лет были для Матана не слишком радужными. Отец его, Гедаля, желал во что бы то ни стало добиться раннего превосходства сына над

сверстниками. Шелкоторговец стремился доказать себе и людям, что в доме его растет будущий мудрец.

Вне всякого сомнения, Гедалья, во-первых, оказался прав в отношении исключительных дарований дитяти, а, во-вторых, сумел убедить всю Нагардею в безусловном умственном первенстве Матана. Беспощадная целеустремленность отца, увы, убавляла от ребячьих радостей. “В детстве у меня не было детства” – вздыхая, говорил себе Матан. Но ни за что на свете он не произнес бы эти слова вслух. Даже Эфрат не полагалось слышать их – ведь в них содержался смутный намек на непозволительные претензии к покойному родителю.

Еще до рождения сыновей, Матан мысленно поклялся растить детей так, чтобы долг не затемнял любовь. Но вот чудо: предрассудки Гедальи мистическим образом передались Матану, и юные годы Шувалья и Карми отчасти походили на детство их отца, хоть тот и не замечал этого. Педагог был уверен, что исполняет данное себе слово, и только через много лет обнаружил, как сильно он заблуждался.

Матан спешил поселить в головах малышей гуманитарные ценности – пусть бы опережали сверстников! Это была не слишком трудная задача, ведь другие отцы не торопились нагружать головы своих чад. Матан собирал вокруг себя семейство в полном составе и читал из Святых Книг страницы, казавшиеся ему доступными для детского и женского понимания. Затем задавал мальчикам настойчивые вопросы: “Кто? Что? Когда? Сколько? Почему?” Если Эфрат замечала слезы на детских глазах, то старалась незаметно подсказать ответы малолеткам.

Обучал Матан сыновей и счету тоже. Он помнил задачи, которые ему задавал Гедалья. Торгашеское содержание их Матан решительно неприемлем и выдумывал примеры благородного свойства, что-нибудь из Писания. Вот образец урока.

- Скажи мне, Шуваль, сколько тучных коров видел во сне царь египетский? – спросил Матан.
- Семь, - с готовностью ответил Шуваль, довольный простотой вопроса.
- Верно, малыш, - похвалил отец, - а сейчас ты, Карми, вспомни-ка, сколько тощих коров приснилось фараону?
- Тоже семь! – бойко отрапортовал бутуз.
- Отлично, Карми! Пусть теперь твой старший брат скажет нам, сколько всего коров явилось во сне язычнику?
- Четырнадцать, кажется, - пролепетал Шуваль, глядя на мать, которая делала ему знаки из-за спины отца.
- Молодец, Шуваль, - порадовалась Эфрат и победительно взглянула на мужа.
- Напомни нам, Карми, - усложнил задачу Матан, - что сделали тощие коровы с тучными?
- Тощие съели тучных! – выпалил малец.
- И сколько же коров осталось, Шуваль?
- Это просто, отец, - небрежно бросил Шуваль, - осталось семь!
- Результат верный, но как ты пришел к нему, сын?

- Я из четырнадцати вычел семь! – гордо заявил Шуваль.
- Неплохо, - поощрил Матан, - а ты, Карми, как бы ты стал рассуждать?
- Я думаю, - по-взрослому глубокомысленно заметил Карми, - что коли тучные коровы съедены, то остались только тощие, а их с самого начала было семь!
- Молодец, сынок! – воскликнул Матан и обнял и расцеловал Карми.
- Вот и неверно! – ревниво и упрямо закричал Шуваль, - осталось не семь тощих коров, а семь тучных коров!
- Почему? – удивилась Эфрат.
- Тощие коровы съели так много, что сами стали тучными! – ответил Шуваль.
- Очень интересная мысль, - сказал Матан, погладив Шуваль по голове, - я вынесу ее на суд своих учеников!

***

Разумеется, никому не приходило в голову упрекать Матана в недостатке отцовских чувств. Наоборот! Отец любил старшего и обожал младшего.

В молодые годы Матан частенько совершал вояжи в столичные города Бишапур, Истахар, Шираз. Он стремился завязать полезные знакомства с высокими чинами и с самим персидским царем. Ниже мы расскажем об успехах его искательства. Здесь же заметим, что из каждой поездки он обязательно привозил подарки сыновьям – нечто такое, чего не сыскать в иудейской Нагардее.

Чем порадовать мальчишек от двух до пяти? Конечно, игрушечными военными атрибутами! Пусть мечтают о героизме, думают о победах, приучают глаза и руки к оружию. Как-то привез Матан деревянных боевых коней на колесиках, другой раз – детские мечи и щиты, в точности как у римских легионеров, но жемчужиной отцовской щедрости стали луки и полные стрел колчаны.

“У войны не детское лицо!” – говаривала Эфрат, глядя на подарки детям. “Пусть так, - отвечал Матан, - зато погляди, как радуются наши отпрыски! В игре детей смысл глубокий, а отнять игру у ребенка – не пустяк!” И вправду, играли малыши увлеченно: покоряли целые легионы римлян, громили персов, осаждали и завоевывали города, освобождали Иерусалим. Маленький Карми во всем следовал за старшим братом Шувалем. Излишне говорить, что все без исключения подарки делались непременно в двух экземплярах.

7. Дочери

Отцовство Матана началось обнадеживающе счастливо – родился сын. Казалось бы, непредубежденный родитель непременно захочет дочь вторым дитем. Правильный мир состоит из приблизительно равного количества мужчин и женщин, а семья – это мир в миниатюре, и естественно желать, чтобы он тоже был правильным. Но Матан вновь мечтал о сыне. Выходит, наш герой – предубежденный родитель? Разумеется, нет! Красивая мечта в умной голове имеет высокую цену.

Многодумный Матан глубоко понимал центральные воззрения своей веры, а половой вопрос – один из важнейших в ней. Вот, пишут, якобы люди рождаются равными. Допустим, это верно. Но по мере превращения ребенка во взрослого, среда и опыт увеличивают ценность человека, создавая, так сказать, прибавочную стоимость. Прибавка сия для разных полов далеко не одинакова.

Неспроста Матан вождедел сыновей. Еще до него мудрецы раскрыли тайну прибавочной стоимости мужчин и женщин. Если принять утверждение, что в сотворении мужчины воплощена некая цель, то женщину мы должны рассматривать не более как средство достижения цели. Не правда ли, непреодолимо велика разница в значимости полов?

Дочь для отца – некупаемая забота. Пока малолетка, одним лишь видом своим она искушает возвышенных духом мужчин. Юница, коли не доглядишь, пристанет к берегу распутства. Женою став, не всегда успешно воюет с соблазном прелюбодеяния. Старуха, порой, превращается в ведьму.

Мать, однако, смотрит на дело иначе. Ей нужны дочери. Вспомним, например, родительницу Матана. Она сердилась на мужа своего Гедалью, покуда жив был, за пренебрежение дочерьми. Не станем ее осуждать слишком резко, все-таки она удостоилась чести называться женою богача и филантропа, к тому же давшего жизнь мудрецу.

Вот и Эфрат, произведя на свет двух сыновей, рассудила, мол, хватит “рожать для нас”, пришло время “рожать для себя”. Другими словами, она вознамерилась заиметь дочерей. Тут у непросвещенного читателя может возникнуть недоумение: а как, собственно говоря, Эфрат может повлиять на конечный результат дела, имеющего, казалось бы, непредсказуемое начало? Чтобы разрешить затруднение столь интимного свойства, нам придется сделать краткий экскурс в научно-религиозную историю проблемы.

***

Вспомним из Писания эпизод, в котором праотец Яков и благодетель его Лаван делили овец и коз. Отвлечемся от содержания договора меж Библейскими персонажами и целиком сконцентрируемся на вопросе отличительных особенностей потомства.

Яков спаривал мелкий скот. Черные бараны покрывали черных овец. При этом Яков устроил дело таким образом (каким именно – сказано в Писании), что во время спаривания черные овцы видели в воде мнимое пестрое отражение своих черных партнеров. В результате рождались агнцы пестрой масти. Напрашивается вывод: вид потомства зависит от впечатления, получаемого женской особью в минуты сокоупления.

Как известно, возможность повторения результата эксперимента является необходимым условием доказательства обоснованности сделанного предположения. К счастью для науки, Яков повторил опыт. Он стал спаривать белых коз с белыми козлами, при том что козы в момент кульминации видели мнимое пестрое отражение в воде покрывающих их белоцветных соучастников действия. В результате на свет появлялись пестрые козлята. Таким образом, вывод о том, что характерные черты будущего дитя зависят от картины, которую мать зрит во время полового акта, можно считать научно доказанным.

Мудрецы пошли дальше и распространили на людей заключенную в Книге Книг истину. Иначе говоря, они постановили, что пол новорожденного зависит от помыслов будущей матери во время соития.

О некоторых вещах, открывающихся мудрецам в результате упорного труда над изучением Писания, женщины осведомлены подсознательно и издревле практически применяют свои интуитивные догадки в супружеской жизни. Поэтому нет ничего удивительного в том, что стоило Эфрат захотеть дочерей, как желание ее осуществлялось раз за разом в положенные природой сроки.

***

Появление деток в семье не охладило пыл общественной деятельности Матана. Ему, наконец-то, удалось завязать знакомство с персидским царем. До дружбы иудея с великим монархом дело не дошло, но тем не менее установившиеся контакты оказались полезными слабой и зависимой стороне.

Царю пришлось по вкусу центральный политический тезис Матана: “Закон государства – закон”. Монарх подумал, что не худо бы и другим вождям нетитульных наций, нашедших пристанище в его великой империи, брать пример с иудея Матана. Глядишь, меньше бунтовских голов пришлось бы рубить внутри страны. Заплечные мастера перековали бы топоры на мечи и влились в ряды воинов, обороняющих и расширяющих империю.

Царь высоко ценил ум и образованность Матана, любил вести долгие разговоры с благонамеренным, гладкоречивым, образцово лояльным собеседником. Монарх желал бы иметь Матана в числе своих визирей, но не торопился делать тому столь лестное предложение, ибо не был уверен в прямоте его помыслов. Владыка подозревал, что, в конечном счете, такой советник станет хитрить и стараться не столько в пользу трона, сколько ради своих соплеменников. Нет в мире ничего труднее прямодушия.

Разумеется, монарх не ошибался, не доверяя Матану, но, будучи человеком образованным и либеральным для своего времени, не мог отказать себе в удовольствии духовного общения с мудрецом, хотя бы даже и иудейским. Теоретические беседы двух мужей приносили несомненные практические плоды. Так, например, царь отменил запрет на изучение Священного Писания, великодушно разрешил соблюдать субботу, издал закон о наказании за неправомерное причинение вреда синагогам.

Надо отдать должное принципиальности персидского императора – он бывал бескомпромиссно тверд в ситуациях, угрожавших благополучию государства. Скажем, когда в некоем городе (слава Богу, не в Нагардее!) восстали иудеи, царская рука не дрогнула, и монарх распорядился убить двенадцать тысяч бунтовщиков.

Не менее принципиально повел себя и Матан. Понимая свою роль как стратегическую, он пренебрег эмоциональными побуждениями сиюминутной тактики. Став на горло собственной песне, он решительно осудил иудейское восстание, нарушающее сформулированный им принцип о подчинении местным властям. Более того, Матан не стал объявлять пост в знак траура по убиенным. Эти мудрые шаги помогли ему сохранить добрые отношения с царем и укрепить взаимную любовь между иудеями и персами. Ошибочно мнение, будто принципиальность есть свойство людей непрактичных.

***

Вернемся к теме настоящей главы и возобновим разговор о дочерях. Итак, как мы уже знаем, Эфрат загорелась желанием “рожать для себя”. По-женски владея ключом к секрету формирования пола будущего ребенка, она умело воспользовалась своим интуитивным знанием, и вскоре в семье Матана появилась на свет старшая дочь. Девочку назвали Ципорой.

Через год после Ципоры родилась ее младшая сестра Оснат. “Средь белого дня у меня завелись ангелята!” – восторженно говорила себе Эфрат. Муж ее был более сдержан в нежных чувствах: “Совершенно не считаясь со мной, жена подарила мне двух дочек!”

Как и следовало ожидать, воспитание Ципоры и Оснат целиком легло на плечи Эфрат. Когда кто-либо спрашивал Матана о благополучии дочерей, он отвечал уклончиво: “Девочки помогают матери”. Истинный мудрец, скрупулезно следующий за духом и буквой Писания, не станет уделять чрезмерного внимания душевной стороне жизни представительниц слабого пола, ибо сие не лежит в плоскости его интересов. Вот и мы, вместе с Матаном, до поры до времени не будем интересоваться вещами суетными.

Четверо детей – два сына и две дочери – это немало для прилежной мамы. Эфрат устала. Но что делать, разве можно обмануть природу? Не будем забывать, ведь говорим мы о давно минувших днях, о старине глубокой! Это нынче существует бесстыдное явление, называемое по-ученому “планирование семьи”. Прежде от подобного безбожия люди веры шарахались. Зато современная наука цинично стоит на службе родительского эгоизма.

Однако взглянем на дело с другой стороны. Уже выяснено нами, что не слишком ценимый мужской мудростью женский ум оказался горазд на управление полом зачинаемого младенца. Отчего не предположить, что тот же самый женский ум уже в древности бывал способен на решение еще одной сверхзадачи? При этом, не гневя ни Господа, ни мужа? Не вдаваясь в интимную сторону вопроса, отметим только, что практика опередила науку.

Итак, Эфрат сказала себе: “Хватит!” С тех пор Бог не давал нового прибавления в семью Матана. Впрочем, если Всевышний благословил семью двумя сыновьями и двумя дочерьми, разве есть у супругов основание роптать на Небеса, дескать, мало нам?

8. Отворяй ворота

Воистину так: пришла беда – отворяй ворота! Безжалостное время обездолило супругов Матана и Эфрат, и пышущая счастьем семья превратилась в жалкий огрызок бывшего довольства. И кто же, кроме собственных детей, готов растерзать родительские сердца необратимым горем?

Шуваль и Карми росли вместе. Старший – заводила меж ними. Младший хоть и тянулся за братом, но и он вносил свою вполне осязаемую долю предприимчивости в игры и неуступчивости в потасовках. За справедливым решением ссор сыны бегом спешил к отцу. Поскольку версии спорящих сторон не сходились ни в одном пункте, Матан довольно скоро понял, что никакой родительский вердикт не имеет шансов на одобрение. Эфрат надоумила мужа не разбирать причины драк, а привлекать внимание ястребов к какой-либо нейтральной мирной теме. Идея, иной раз, работала.

Прошли годы, Шуваль и Карми выросли. Дружили меньше, ссорились чаще, природой данные характеры разнились резче. Одним из последних бастионов единства оставался присущий обоим отрокам дух оппозиции отцу с матерью. Возможно, это хорошо: оппозиция внутри семьи укрепляет ее стабильность.

***

Честолюбивого юношу, Шувалья непрестанно одолевала страсть отличиться и отличиться. Он мечтал отличиться каким-либо героическим деянием и чувствовал неукротимое желание во что бы то ни стало отличиться от прочих в своей серой среде. Возможно, что именно поэтому он ловил из каждых уст и выискивал в сохранившихся скупых записях сведения о когда-то

давным-давно имевших место в земле Вавилонии криминальных похождениях авантюристов Йони и Шош.

И вот какое происшествие приключилось в старые времена. Два высокопоставленных в иудейской общине человека, оба престарелые судьи с прекрасной репутацией, были заподозрены в посягательстве на честь молодой замужней женщины по имени Шош. Разбор дела тайно поручили опытному дознавателю Даниэлю, которому помогал его юный племянник Акива.

В ходе деликатного расследования Даниэль выяснил весьма некомплементарные вещи в отношении Шош. Оказалось, что сия особа изменяла мужу, а ее фаворит, молодой комиссионер Йони, занимался грабежом иностранных купцов. Вместе они, Йони и Шош, вступили в преступный сговор с целью сбежать с награбленными ценностями за границу и жить безбедно вне досягаемости от карающей длани закона.

Применяя интеллектуально изощренные методы дознания, Даниэль и Акива пролили свет на преступную деятельность стариков-судей, которые были подкуплены ловким комиссионером и за мзду вершили неправедный суд. Посягательства старцев на молодую красавицу Шош не подтвердились. Однако беда в том, что о репутации заботятся больше, чем о совести. Репутацию, как и деньги, легче заработать, чем сохранить.

Нарушители закона были разоблачены и понесли заслуженную кару. Блестяще завершённое дело выдвинуло Даниэля в пророки, а его племянник Акива успешно заменил дядюшку на посту дознавателя.

“Неординарные личности!” – с восторгом думал Шуваль о героях минувших дней. Ему страстно хотелось обладать аналитическим умом Даниэля, или способностями Акивы, или дерзостью Йони. Пример этих троих, каждого по-своему, вздымал волны честолюбия в сердце молодого Шувалья. Хотелось походить на кого-нибудь из них, выделиться из безликой массы. “Успех – моя цель, непохожесть – мое мерило!” – говорил себе созревший отпрыск нагардейского мудреца.

***

Вопреки надеждам и понятиям Матана, старший сын Шуваль избрал военную стезю. Он презрительно отверг корпение над Святым Писанием, поспешил покинуть родительский дом и вступил на службу в персидскую армию, где надеялся осуществить свои тщеславные мечты. “Это непостижимо! – вопиял Матан, – мой сын дикарь, безумец, могильщик семейной славы, он губит себя и уничтожает мой престиж!” Огорченная Эфрат упрекала мужа: “Зачем дарил детям мечи и стрелы? Говорила тебе: у войны – не детское лицо!”

Однако не состоялась военная карьера Шувалья. Высокие персидские командиры нашли благовидный предлог и удалили иудея из монаршего войска. Матан, разумеется, не стал хлопотать за Шувалья перед царем, надеясь, что, получив урок, вернется домой блудный сын, покается и встанет на прямой отцовский путь.

Увы, ожидания отца с матерью не сбылись. Шуваль не вернулся. Каков он теперь? В детстве отец привил ему умение думать. Жестокое войско выучило его искусству колоть, рубить, убивать. От природы он владел умением зажигать людей горячим словом. Жизнь обманула и разочаровала его. Что предпринял отринутый персидским воинством честолюбивый Шуваль? Он собрал вокруг себя ватагу отчаянных головорезов и заделался главой лихих разбойников. Насилием и грабежами на дорогах он насыщал авантюрный норов свой и теперь уж бесспорно отличался от серой массы соплеменников.

Шуваль скрывал свое происхождение из благородной семьи Матана, ибо небезосновательно полагал, что род его специфических занятий может послужить причиной изгнания отца с почетных должностей иудейской общины Нагардеи. Однако слухи ползли по городу, и праведные ученики ешивы начали с осторожным сомнением поглядывать на наставника. Когда же спрашивали Матана, как поживает его старший сын Шуваль, и что-то давненько не видать юношу, отцу приходилось напрягать натерелый годами упражнений ум и бойко изобретать убедительные ответы.

Сердце Шувалья не каменное. Соскучился разбойник по отцу с матерью и однажды темной ночью наведаясь в родительский дом. Эфрат заплакала от счастья и от горя, попыталась обнять и расцеловать дорогого гостя. Но тот ловко отстранился от матери, не доводя дело до скандально откровенного излияния чувств.

Матан оторвался от чтения Книги Книг и с деланно суровым лицом вышел навстречу сыну. Не будем забывать, он любил Шувалья, и радость встречи невольно светилась в отцовских глазах. Карми, разобравши из своей комнаты голос Шувалья, сбежал в окно, чтобы не встречаться с братом. Сестры Ципора и Оснат безмятежно спали и не слышали переполоха.

- Отец, мать, – я по-прежнему люблю вас, – с видимым усилием вымолвил вошедший Шуваль.
- О, Шуваль, делами своими ты терзаешь мое отцовское сердце! – горько воскликнул Матан.
- Отец страдает, но любит, - выпалила Эфрат, радуясь, что ей удалось погладить сына по руке, - как отец был счастлив, когда повитуха подала ему розовое тельце новорожденного младенца – тебя!
- Не помню такого! – попытался пошутить Шуваль.
- Сын, зачем ты сделал то, что сделал? Одумайся! Не станет нас с матерью, и ты будешь хозяином угодий, домов и прочего огромного достояния. И почему, наконец, не пожелал ты наследовать мою книжную мудрость, пост, престиж?
- Прости за откровенность, отец, но мне претит лицемерие нынешних праведников, я восхищаюсь героями древности!
- Да кто ж эти герои? – удивилась Эфрат.
- Ну, скажем, умнейший и благороднейший дознаватель Даниэль, пророком ставший! – ответил Шуваль.
- Какая нелепость! – рассердился Матан, - ты больше похож на Йони, а не на Даниэля! Разве делается пророком разбойник, попирающий закон?
- Закон заставляет ползти улиткой того, кто мог бы взлететь орлом. Лишь свобода порождает гигантов!
- Судьба разбойника и поджигателя – не свобода, а тюрьма и меч палача. Шуваль, ты бездумно отверг провозглашенную мною вечную норму жизни изгнанного на чужбину иудейства: “Закон государства – закон”.
- Изгнанного? Так знай же, я намерен положить конец изгнанию! Я соберу войско и во главе его освобожу Иерусалим и верну соплеменников на родину!

- Безумец! Лжемессия! Измерь глубину, прежде чем бросаться в пропасть!

- Не сердись на отца, сынок! – вмешалась Эфрат, осуждающе взглянув на мужа, - твоя горячность, Матан, доведет Шуваль до отчаяния!

- Я далек от отчаяния, матушка, я испытываю духовный подъем. Я отвергаю веру унижений и покорности. Я презираю мудрую трусость черни. Я сам свой рай и ад!

- Сдается мне, что доводы тут бессильны, и спор бесполезен, - грустно произнес Матан, - живи по-своему, сын. Ты – наш первенец, и наши воспоминания никто не отнимет у нас, даже ты сам.

- Навещай нас, Шуваль, - со слезами вымолвила Эфрат.

- До свидания, - сухо сказал Шуваль и вдруг вспомнил, - а где же Карми?

- Не знаю, - опустив голову, ответил Матан.

***

В детстве не робкого десятка, подрастая, Карми незаметно для близких утрачивал бойкость. Став отроком, он перестал интересоваться военными играми и уж более не составлял компанию старшему брату. Кротость потеснила былую боевитость, честолюбие, казалось, таяло, а молодой задор сменился необъяснимой печалью. Как-то раз подошел он к матери и шепнул, мол, скажи кухарке, чтоб не готовила для меня мясную еду, ибо не хочу пятнать себя звериным хищничеством.

Карми многое вычитывал из Священного Писания, но, как неодобрительно замечал Матан, весьма странно истолковывал Книгу Книг. В геройстве юноша усматривал насилие, искал и не обнаруживал справедливость там, где признанные мудрецы проворно находили ее, а находчивость называл плутовством. Да и вообще, он осуждал и одобрял невпопад.

Напрасно Матан, упорствуя, всё звал и звал сына поступить к нему учеником в ешиву. Парень упрямо не соглашался становиться на путь схоластического умствования – так бесцеремонно Карми отвечал отцу, изрядно огорчая последнего. Отказ сына Матан объяснял леностью и нежеланием парня трудиться. Прежнее отцовское обожание забиралось поглубже в душу, а наружу являлось недовольство.

Карми все больше замыкался в себе. По утрам и по вечерам засиживался в саду, внимая музыке певчих птиц. Он отдалился от старшего брата и даже выказывал ему недружелюбие. Шувалью не понятна была такая перемена, и он не хотел верить, что терял лучшего друга. Впрочем, Шуваль не держал зла на Карми – терпел, снисходил и прощал.

В один ужасный день Карми исчез из дома. Матан сердился, Эфрат тревожилась. Сестры Ципора и Оснат недоумевали. Беглец не явился к ужину, и на следующее утро его тоже не было. Мать с отцом отрядили слуг на поиски. Всё напрасно. Пропажа не находилась.

Матан тяжело вздыхал, Эфрат не могла унять слезы. Вспомнили: последние недели Карми бывал особенно мрачен, казалось, черная меланхолия затопила сердце его. “Куда мы смотрели? Почему не вмешались, не расспросили? Что случилось с мальчиком? Не лишился ли рассудка? Жив ли?” – терзали себя вопросами Матан и Эфрат.

На третий день страхов и поисков блеснула надежда. Гуляя в саду, Ципора и Оснат заметили на лавке незнакомый предмет. Поглядели: лист пергамента, свернутый в трубку, аккуратно перевязанную веревкой. “Карми?” – взволнованно воскликнула Ципора. “Бежим скорей домой к матушке с батюшкой!” – вскричала Оснат.

Трепетными руками Эфрат сорвала веревку, развернула пергамент. “Матан, Матан, весть от Карми!” – вскричала. Примчался Матан, выхватил из рук супруги письмо, наскоро пробежал глазами послание.

- Карми жив, вот его подпись в конце! – радостно вскричал Матан.
- Слава Богу! Ну, читай всё подряд! – обливаясь счастливыми слезами, выпалила Эфрат.
- Читай, батюшка! – вместе пропищали девицы.
- Отец, мать, брат, сестры! Не ищите меня. Я жив, я в безопасности, но никогда более не вернусь домой!
- Боже мой, - пролепетала Эфрат, - он жив, но не вернется... Продолжай, Матан.
- Я один. Одиночество – превосходное лекарство для моей болящей души.
- Отчего болит душа у него? – удивилась Ципора.
- Не перебивай, - бросила Оснат, - наверное, худо ему. Читай дальше, батюшка.
- Многим кажется, что человеческая жизнь только сон, и меня не покидает это чувство. С тех пор, как солнце, луна и звезды могут спокойно совершать свой путь, я не знаю, где ночь, где день, я не вижу ничего кругом.
- Как это непонятно! – растерянно вымолвила Эфрат.
- Не тронулся ли он умом? – пробормотал Матан и продолжил чтение.
- Отец, ты упрекал меня за праздное любопытство. Ответу: слишком часто что-нибудь огорчает меня, нагоняет тоску, а она – сродни лени, её разновидность даже. Дурное расположение духа происходит от досады на собственные несовершенства, от недовольства самим собой, от зависти и неудовлетворенного тщеславия.
- Он самокритичен? – спросила Ципора.
- Он страдает! – ответила сестре Оснат.
- Порой мне кажется, я болен изнурительной болезнью, ведущей к смерти, - продолжил чтение Матан, - но можно ли от безнадежного больного требовать, чтобы он ударом кинжала пресек свои мучения? Нет, нельзя! Недуг отнимает мужество.
- Лучше недуг, чем мужество покончить с ним! – всхлипнула Эфрат.
- Иной раз я думаю, что лишиться себя жизни это не трусость, но высшая смелость. Я знаю, людям кажутся безумными мои рассуждения – я этим не смущен. Я мечусь в страхе, я не вижу ничего, кроме всепожирающего чудовища!

- Бред, бред, - заплакала в полный голос Эфрат, - что еще он пишет?

- Бог свидетель, как часто ложусь я в постель с желанием, а, порой, и с надеждой никогда не проснуться. Какая пустота, какая мучительная пустота у меня в сердце! Часто мне хочется разодрать себе грудь, размозжить голову...

- Боже мой, Боже мой! Неужели мой мальчик наложит на себя руки? – сквозь рыдания выдавила Эфрат страшные слова, - ему так плохо, он загнан, в его безумной голове творится ад! Читай дальше, Матан!

- Что я болтаю? Сумбур. Я кажусь вам полоумным? Я постараюсь собрать всё свое мужество и не лишать вас сына и брата. Не ищите меня. Прощайте. Ваш Карми.

Матан вытер слезы. Увел рыдающую Эфрат. Сестры подавленно молчали. “Как красиво Карми пишет, он и сам такой красивый парень!” – нарушила молчание Ципора. “Храни его Бог!” – добавила Оснат.

9. Как бы живые

Долго и настойчиво Матан преследовал важную цель: добиться приязни персидского царя. Он вполне достиг желаемого и с толком использовал дружелюбие владыки. Делал он это в интересах единоверцев, во имя блага своей семьи, ради себя самого. Таковы были побудительные мотивы мудреца, перечисленные в порядке уменьшения их значимости. Нельзя, однако, исключать справедливость противоположного утверждения, то есть, что мотивы названы в порядке увеличения значимости – надежными историческими свидетельствами в пользу первого или второго предположения мы не располагаем.

Покровительствуя Матану, великий монарх никогда не упускал из виду того факта, что его протеже чужак, несомненно преследующий, но умело скрывающий своекорыстные интересы. Это обстоятельство нимало не беспокоило владыку, ибо он полагал своекорыстие основой правил жизни и источником справедливости. Однако к удовольствию от общения с умным собеседником примешивалась зависть персидского патриота: “Почему мои визири не так умны как этот иудей?” Сия простая психологическая ситуация объясняет тайную радость царя любым неудачам Матана.

Для предупреждения всякого рода неблагонадежности, бдительный правитель обязан знать, чем дышат все подвластные ему подданные, независимо от их положения в общественной иерархии. Благодаря доносителям царь имел сведения о семейных бедствиях Матана. Поскольку иудей сам не заговорил о них, то и монарх помалкивал, хотя в глубине души его забавляло горе мудреца.

Монарху было известно, что строгая в вопросах семейной нравственности иудейская община вполне может лишиться Матана влияния и поста. Тогда владыка потеряет не только умного собеседника, но и полезного данника высокого ранга, удерживающего в повиновении своих жестоковыйных соплеменников. Желая придать моральных сил страстотерпцу в его беде и борьбе, царь придумал повод, как ободрить Матана, предоставив тому случай проявить дипломатическое дарование и, вместе с тем, польстить мудрецу.

- Я рад вновь видеть тебя в своем дворце, о, преумный иудей! – произнес царь, дружески потрепав Матана по плечу.

- Каждая встреча с владыкой переполняет счастьем мою душу! – ответил Матан.

- Слыхал ли ты, Матан, что высокомерные римляне утверждают, будто в персидском государстве все рабы, кроме царя?

- Мне не доводилось слышать подобной нелепицы!

- А сам-то ты какого мнения?

- О, это бессовестная клевета на твой народ, повелитель, - гневно воскликнул Матан, внутренне согласный с таким утверждением.

- Оговор, вне всякого сомнения, - согласился царь, - а теперь внимай мне, Матан. Я призвал тебя по весьма важному делу. Мне недавно приснился сон, и, я думаю, в нем есть намек на римских душегубов. Я хочу услышать от тебя объяснение смысла моих ночных видений.

- При твоём дворе, владыка, есть выдающиеся толкователи снов!

- Боюсь, Матан, понять столь сложный сон не под силу никому из моих придворных. Вся моя надежда на тебя.

- Рассказывай же, царь персидский! - воскликнул польщенный Матан.

- Привиделось мне, будто я – мельник, и приносит мне крестьянин два зернышка и просит размолоть их в муку. А я не удивился, что зерна так мало, положил обе крупинки между жерновами и принялся за дело. Поглядел – одна частичка смололась, а другая – нет: алмазная она. Тут я проснулся.

- Слушай меня, монарх! Два зернышка – это два войска, одно – твоя армия, другое – римский легион. Жернова – орудия войны. Смолотая крупинка – побежденное персидским воинством римское полчище. Не поддавшийся жерновам твердый алмаз – твое войско. Вот тебе и толкование сна!

- Блестяще! Воистину: сны есть надежды бодрствующих.

Успешная беседа с монархом ободрила унывавшего Матана. “С Божьей помощью всё еще устроится!” - думал Матан, покидая дворец. Доволен был и царь.

***

Вернемся к событиям преждевременного окончания военной карьеры Шувая. Застрельщиком изгнания его из армии был некий молодой офицер, имя которого отсутствует в анналах вавилонской истории. Будем называть этого человека просто “офицером”.

Итак, пусть сие не покажется удивительным, но наш офицер не слыл носителем ни расовых, ни религиозных предрассудков. Он абсолютно лояльно относился к мужчинам из иудеев, а, что касается особ прекрасного пола богоизбранного народа, то он искренне восторгался их прелестью. Тогда какая же сила подвигла его к подрывным мерам против Шувая? Ответ нехитрый: офицер боялся конкуренции. Поэтому он, играя на низких шовинистических чувствах своих коллег, подстрекнул их к неблагоприятным действиям, и вскоре Шуваль был отстранен от службы.

Добившись устранения опасного соперника, офицер только в первое время чувствовал довольство. Прослышав, что Шуваль подался в разбойники и стал главарем ватаги головорезов,

персидский воин вновь затужил, небезосновательно опасаясь за свою жизнь. Уничтожена опасность конкуренции, зато возникла угроза мести. Как говорится, уголь сажи не белей.

“Семьи Божьих избранников крепкие, и иудеи никогда не нанесут вред своим, - размышлял офицер, - мне известно, что у Шувая есть сёстры. Стало быть, если я сумею жениться на одной из них, то этим обезопасю себя от мести сумасшедшего шурина, ибо он не причинит мне беды, дорожа благополучием сестры!”

Офицер явился в дом к Матану и Эфрат, сказавшись прежним боевым другом Шувая. Передал страждущим родителям привет от сына и заверения последнего в любви к отцу с матерью. Излишне говорить, сколь горячий прием был оказан нежданному визитеру.

Искусно поддерживая почтительную беседу с родителями, гость, тем временем, незаметно поглядывал в сторону девиц, сидевших поодаль за другим столом. Ему приглянулась старшая. Ну, а ей, легкомысленной, до безумия понравился молодой красавец в военном одеянии. Ципора по уши влюбилась.

Офицер не преминул воспользоваться вежливым приглашением посетить дом еще раз. Вполне возможно, что во время повторного визита он незаметно передал Ципоре записку романтического содержания. Как бы там ни было, но Ципора стала исчезать из дома на часок-другой под разными удобными предлогами, не вызывая подозрений у Эфрат.

Однажды Оснат драматическим голосом призвала отца и мать и торжественно отчеканила: “Наша Ципора покинула отчий дом. Они с офицером безумно любят друг друга, и она вышла за него замуж. Ципора сожалеет о том горе, которое причинила вам, дорогие родители, но она сказала мне, что любовь сильнее всех человеческих чувств!”

“Бедняжка, глупенькая...” - сквозь нахлынувшие рыдания проговорила Эфрат. “Она полюбила...” – вступилась за сестру Оснат. “Мерзкий негодяй! Набитая дура!”- не сдержал брани Матан.

“Ципора больше не дочь нам! – дрожащим голосом вынес суровый отцовский вердикт Матан, - она связала судьбу свою с иноверцем. Теперь она мертва и для нас, и для народа иудейского. Всем приготовиться к семи дням траура, как по усопшей. Таковы наши законы, и мы не преступим их! Какое несчастье, какое бездолие...”

Терзаемый горем, Матан в воображении своем похоронил живую дочь – принес в жертву собственное дитя. Словно древний язычник, верил он, что, насытив богов-каннибалов, он докажет верноподданность и обретет благоволение. Женские сердца восстали против страшного закона, но не осмелились Эфрат и Оснат перечить мужчине.

***

Оснат не могла смириться с мыслью о гибели Карми. Не верила она, что безумие поселилось в голове его. Чудилось ей, будто Карми жив, что бродит он где-то поблизости – то ли обиженный, то ли угнетенный духом. Она подолгу не засыпала, прислушиваясь к шорохам в темном саду. Вдруг это брата шаги? Вот он подкрался к дому, а в дверь постучать не решается!

Раз дошел до Оснат слух, якобы иногда по ночам бродит в ближнем лесу некий человек, по походке совсем молодой, напевает что-то себе под нос, разговаривает сам с собою, а иной раз сядет под деревом и заплачет. Услышав всхлипывания, пробуждаются от ночного сна птицы, собираются вокруг скитальца, выводят чудные трели на разные голоса, и тогда слезы его

высыхают, и он внемлет сладким звукам, благодарит пернатых и просит у них прощения за беспокойство в неурочный час.

“Это, без сомнения, Карми” – решила Оснат. Тайно от отца с матерью и от домашних слуг она бесстрашно отправилась в ночной лес, уселась на пригорке и стала ждать. Тишина. Вскоре подул легкий теплый ветерок, зашуршали листья на деревьях. Девушка задремала.

Неподалеку раздался голос, ему ответил другой. Оснат очнулась, прислушалась. Вдруг на лицо ей упал свет масляной лампы. Какой-то человек с жестокими глазами глядел на нее. Он свистнул, подошли еще двое. “О, да по одежде видать – девка-то из богатого семейства!” – сказал один. “Неплохая добыча!” – поддакнул второй из подошедших. “Что делать ей в ночном лесу одной? – проговорил тот, что с лампой, – богачи с жиру бесятся!”

Трое лесных братьев уложили на носилки Оснат, от страха лишившуюся чувств, и доставили драгоценную ношу в разбойничий стан. Несомненно, искушенный читатель с ходу сообразил, что дева попала в лагерь Шувалья. Глава вавилонских бандитов еще не успел осуществить свою мессианскую мечту, и пока не совершил поход в Эрец-Исраэль, и не освободил Иерусалим от завоевателей-иноверцев.

Шуваль узнал лежавшую без памяти сестру, но о своем открытии промолчал. Атаману разбойников прежде доносили о душевной болезни Карми и о вероятной гибели его. Шуваль искренно оплакивал несчастного брата и, конечно, сразу догадался, что и Оснат, глубоко горя и не веря в злую судьбу, искала в лесу Карми. Вожак строго-настрого наказал подначальным ему корыстным лиходеям не причинять никакого зла девице: дескать, если вернем ее в целости и сохранности – получим изрядный выкуп.

На следующий день слуга подал до смерти перепуганным родителям письмо, которое нашел на крыльце дома. На клочке пергамента неумелыми каракулями была выведена баснословная сумма. “Оцененное деньгами несчастье – это всего лишь расходы, а не несчастье!” – промолвил ободренный Матан. Допуская плохое, Эфрат утешилась только наполовину.

Матан – человек не бедный, но назначенная разбойниками сумма вполне могла повредить его благосостоянию. Однако чрезмерных потерь можно было избежать. Иудейство, согласно своим законам, не бросает пленных, но обязательно выкупает их. По призыву Матана община Нагардеи объявила всеохватный сбор пожертвований, и вскоре мать с отцом обнимали и целовали благополучно возвращенную домой дочь.

Отец просиял сразу, как только увидел вернувшуюся Оснат. Конфиденциальный разговор с дочерью убедил обеспокоенную мать, что ее опасения были напрасны, и Эфрат обрела вторую половину утешения.

На беду родительская радость оказалась преждевременной. Потенциальные женихи куда-то пропали. “Оснат была в плену у разбойников, – сказал жене опечаленный Матан, – что могут подумать люди? Кто теперь возьмет ее в жены?” Эфрат горевала еще пуще: “У нас две дочери. Старшую, Матан, ты объявил мертвой, младшая обречена на безрадостное стародевичество. Бедняжки, они не мертвы... Души как бы живые...”

10. Старость

Как и следовало ожидать, Матан не удержался на посту главы ешивы. И еще одно огорчение постигло его. Не сумел он, подобно отцу своему Гедалье, сохранить до конца жизни влияние в совете семерых, правившим Нагардеей. Община отступилась от наставлений человека, не

увлекшего за собой сыновей и не уберегшего от бед дочерей. Матан принял жизненные поражения смиренно, памятуя о приоритете законов и обычаев над страстями и амбициями.

Трудно с благородством переносить перемены к худшему – они превращают, порой, самую светлую душу в злую. Но не таков Матан. За многие годы он научился и привык винить в своих неудачах себя самого, оправдывая других и не принимая во внимание неблагоприятные обстоятельства. Пессимизм и покаяние давали обильную пищу уму и сердцу отверженного мудреца.

Утешая мужа, Эфрат неустанно твердила ему в уши, как много он сделал для упрочения веры в народе и для внедрения законопослушности в широкие массы соплеменников. И еще о многих добрых его деяниях упоминала сострадающая супруга. Но неизменно отвечал ей самокритичный Матан: “Не достоин быть наставником юношества, проглядевший собственных детей, и не нужны городским правителям советы того, кто не умел править своею семьею!”

Царь персов весьма сожалел о смещении Матана. Монарх вынужден был отказать от дворца приятному и головастому собеседнику, ибо полагал, что государю не пристало встречаться с человеком, отвергнутым его собственной общиной. Дабы излить свой гнев, владыка прибегнул к недружественным мерам в отношении жестоковыйного иудейского племени, подвергаящее остракизму лучших своих сынов.

Однако царь мог позволить себе иметь сантименты к подданному, угодившему в чужую опалу. Поэтому монарх стал иной раз направлять в Нагардею одного из своих визирей – для бесед с Матаном от высочайшего имени. Авлат, так звали ученого перса, утешавшего и развлекавшего умными разговорами прежнего царского фаворита, бывал сердечно принят в доме Матана и жил у того по нескольку дней. По возвращении во дворец Авлат пересказывал правителю содержание диалогов и заодно докладывал о настроениях иудеев в Нагардее.

К неудачам других Авлат относился с образцовой невозмутимостью. Он был весьма доволен тем, что времена дружбы царя с иудеем остались позади. “Заглазные разговоры, моими устами ведомые от имени нашего владыки, не опасны, слава богам, и не повредят ни мне, ни кому-нибудь еще из наших придворных ученых!” – думал визирь.

Однажды уселись Матан и Авлат на веранде и, попивая апельсиновый сок, завели дружескую беседу.

- Кто эти люди с серпами? - спросил Авлат, указывая на вереницу крестьян, идущих в направлении поля.

- Это мои работники, - ответил Матан, - будут собирать урожай.

- Если я скажу тебе, Матан, что обладаю способностью предвидеть будущее, ты поверишь мне?

- Моя иудейская вера, дорогой Авлат, рациональна и не одобряет мистику. Однако могут быть нюансы...

- Я знаю, ваши мудрецы – большие мастера толкований и не боятся нюансов, поэтому, когда требуется, они и мистике оставляют шанс.

- Совершенно верно! Ведь толкование Святых Книг – это способ направить веру в полезное русло, а толкователи наши, в отличие от вас, ученых, не соблазняются построенными на песке теориями, но всегда следуют прямым путем.

- Оставим в стороне идейное разномыслие, почтенный Матан. Лучше я оглашу свое предсказание, и к вечеру мы проверим его точность.

- Говори, Авлат.

- Вон видишь того крестьянина в белой одежде? Третий с конца. Так вот, вечером он не вернется с поля – его ужалит ядовитая змея, и он умрет.

- На основании чего ты это предположил? Научное предвидение? – с улыбкой спросил Матан.

- Интуиция опыта! – ответил Авлат.

- Что ж, подождем. Как говорится, вечер утра мудренее.

Перед заходом солнца наши собеседники вновь расположились на веранде. Косцы возвращались после дневных трудов.

- Гляди-ка, дружище Авлат! Поторопился ты похоронить крестьянина. Живой возвращается! – воскликнул Матан.

- Не может быть! – не поверил своим глазам Авлат, - это какая-то мистика!

- Давай допытаем его самого. Эй, человек, поди-ка сюда! – крикнул Матан.

- Чего угодно, господин, - спросил подошедший крестьянин.

- Открой свою корзину!

- Пожалуйста, - добродушно сказал косец, и все, включая самого крестьянина, с удивлением узрели на дне корзины мертвую змею.

- Эта змея хотела тебя ужалить и умертвить, но сама погибла, - констатировал Матан, - не иначе, ты совершил сегодня благое дело, и оно спасло тебя!

- Рассказывай, труженик, чем отличился ты! – нетерпеливо вскричал Авлат.

- Да ничего особенного, - скромно отвечивал крестьянин, - мы, когда садимся за обед, то достаем наши припасы и складываем их вместе. Я краем глаза увидел, что у соседа моего корзина пуста, и незаметно подложил ему половину своего хлеба и сыра. Вот и все.

- Ты совершил сразу два добрых поступка, - объяснил Матан, - накормил голодного и сделал это тайно, не смущая его перед людьми. Вот почему не гадюка погубила тебя, но, наоборот, твоя праведность убила ядовитую змею!

- Милейший, иди своей дорогой! – сердито бросил Авлат крестьянину, и тот, пожав плечами, ушел.

- Как видишь, Авлат, никакой мистики!

- Я тоже прав, Матан. Ведь предсказал же я появление змеи!

- Ты оказался прав лишь наполовину, при этом не учел главного: благодеяние спасает от смерти! – провозгласил Матан.

***

Оставшись наедине с самим собой, Матан принялся размышлять о происшествии с крестьянином.

“Благодеение спасет от смерти – это не подлежит сомнению. А что уберезет праведника от несчастий в семье? Разве мало добрых дел совершено мною? Положа руку на сердце, должен признать я: огромны мои заслуги перед верой и народом! И при всем при том страшные бедствия стали итогом плодотворнейшей моей жизни. Несправедливость? Не может быть, ведь Господь всегда прав!”

“Причины собственных невзгод я привык искать в себе. В чем тут выгода для меня? Растравляя раны, оставленные безжалостной необратимостью, я спасаюсь от душевной пустоты. Остаток жизни я щедро наделяю полынно-горьким смыслом”.

“А что, если у несчастий нет причин, и всё со мной произошедшее – лишь случая игра? О, это негодное предположение! Приняв его, я разорю свое сердце, превращусь в пустейшего желчного старца. Пожалуй, мне лучше вместе с Эфрат предаться надежной родительской скорби”.

- Эфрат, у тебя красные глаза, ты плачешь каждый день.

- Горестно, Матан.

- Было четверо, осталась одна, - вздохнул Матан.

- Я несчастна ее несчастьем. Оснат никому не нужна, кроме отца с матерью, - сказала Эфрат, - слишком мало для женщины.

- Не видать нам внуков...

- Откуда тебе известно? У нас есть Ципора.

- Хватит! Ципора умерла!

- Ты не хуже меня знаешь, что она жива! Иначе не запрещал бы мне видаться с ней.

- Повторяю, хватит! – крикнул Матан.

- На лбу твоём написано, ты жаждешь новостей, но не велишь, упрямец, добывать их!

- О сыновьях мое отцово горе.

- Шуваль слишком редко и скупое дает знать о себе, - сокрушенно заметила Эфрат, - он бессемейный, непутевый. Мне кажется, мы не нужны ему.

- Не нужны. Ему мы в тягость. Он занялся разбоем, есть ли чувства у него? Однако я любил Шувалю, да и сейчас люблю.

- Не будем детей бранить. Негоже это, мы уж натворили бед. Сострадание целительнее порицаний, - возразила Эфрат.

- Ты о Карми? С благою целью я осыпал его упреками, не сознавая, что не добро, а зло творю. Карми – самая большая боль моя, - тяжело вздохнул Матан.
- Я помню, маленького Карми ты обожал! – бросила Эфрат.
- Помнят руки мои, как поднимали мальчика над головой... Я погубил сына...
- Мы оба равно виноваты! Глухи были к тонкой и хрупкой душе, недуг ее не разглядели. Слепые!
- Твоя вина второстепенна, Эфрат. К тому же, сын прощает матери, но никогда – отцу.
- Сочтемся виною. Да и толку-то что? Всё необратимо. Я опять плачу, Матан...
- Плачь, Эфрат. Ни тебе, ни мне – нет нам продолжения в мире. Как горька в конце жизни простая мысль эта!
- У нас остались воспоминания – и более не будет ничего, - сквозь слезы проговорила Эфрат.
- То – воспоминания о невозвратном блаженном. А нынче мрак вокруг нас. Что хуже – никогда не иметь, и потому об утрате не горевать, или пробавляться памятью, всё потеряв?